

Сестры

(зарисовка с натуры)

Утро. За окном земля, засыпанная снегом. Сумерки. Но больница, расположенная в старинном здании, давно проснулась. В двухэтажном корпусе уборка. Черноглазые девушки-гастарбайтеры протирают пол. В коридоре, под вывеской «Электроэнцефалография», сидят и тихо переговариваются несколько пожилых

женщин. Открывается дверь, две медсестры вкатывают инвалидную коляску. В ней сидит еще одна пациентка. Сидящие дружно поворачивают головы в ее сторону. После недолгой разборки на извечную тему: «стояли - не стояли» в коридоре снова становится тихо, впрочем, ненадолго. Дама, привезенная в коляске, на вид около 80-ти лет, внезапно раздражается гневной речью:

- Вот, природы, не дали умереть спокойно! Весь город разгромили, бежать пришлось! А сколько детей погибло! Снаряд разорвался прямо на детской площадке - только один ребеночек и остался в живых, всех под чистую смело.

- Вы откуда?

- Из Донецка.

- Что, там еще война идет?- осторожно спрашиваю.

Рассказ несчастной сопровождается слезами:

- Как заладят стрелять эти «Грады» - мы все по подвалам прячемся. Не живем, а выживаем. Пенсия была хорошая - а теперь ничего не платят. Магазины не работают, воды нет. Воду набираем и таскаем наверх. У нас на третьем этаже разорвалась бомба, меня выкинуло со второго, все кости себе переломала. Будь они прокляты, кто устроил эту войну!

Женщина выпрямляется в коляске. Она, несмотря на возраст и пережитые несчастья, удивительно хороша: четкие, словно высеченные на камне черты, большие черные глаза, в густых темных волосах лишь отдельные седые пряди. Настоящая южная красавица!

- Привезли меня сюда, здесь дочка живет в общежитии, - продолжает она. Так не оставили - места нет! Вот, сюда положили, будут лечить. А дальше... - она не договаривает, махнув рукой. В самом деле, не в Донецк же ей возвращаться!

- А какой город был! - говорит она дальше. Чистый, красивый. Весь в цветах. Как цвели розы! До войны было сорок семь шахт, сейчас ни одной не осталось - все разорили. Теперь уголь нам привозят неизвестно откуда.

Вот, вспоминаю, - рассказывает, - бомбили железнодорожную станцию. Возле нее стоял храм. Так пути разбомбили, а храм остался.

- Нашу молодежь учат: Бандера, Бандера, а мы росли - ничего же этого не было. Все дружили - русские, украинцы. У меня папа был русский, а мама - украинка. Мы со школы, с детского сада учили стихи про братский русский народ.

Я читаю вслух по памяти заученное в пятом классе:

*- Украина, Украина,
Тихий сад вишневый,
И днепровская плотина-
Вот твой облик новый.*

И дальше:

*- Ты сегодня на границе
Как твердыня встала -
Стены золотой пшеницы
И ручки металла.*

- Да, да, так и было! Куда все ушло? - и собеседница сокрушенно качает головой. Медсестра ободряюще гладит ее по плечу.

- А я вспоминаю 1941-й год, - вступает в разговор еще одна больная. Мы, мама и четверо детей жили на даче в Барыбино. Папу нашего в армию не взяли - у него было плохое зрение. Он работал в Москве и приехал за нами, потому что уже наступали немцы. И мы около месяца шли пешком. Нас кормили местные жители. Как фашистские самолеты налетали - мы сразу в канаву. Так и шли.

А пришли в Москву - папу сразу же арестовали и расстреляли. Он, мол, ждал немцев. И мы стали отверженными. Голодали. Не знаю, как выжили. Только когда дяде, брату матери, пришла похоронка на племянника - стало чуть легче. Стали платить пенсию за потерю кормильца, и мы все на нее жили.

Обе женщины придвигаются одна к другой и долго молчат.

Война, война...

Господи, помилуй нас, грешных.

*Марина Васильева
Апрель 2015*